

Ж. В. Некрашевич-Короткая

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ГРЮНВАЛЬДСКОЙ БИТВЫ В ГЕРОИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ «ПРУССКАЯ ВОЙНА» (1516) ЯНА ВИСЛИЦКОГО

Творчество Яна из Вислицы (*Ioannes Visliciensis*; около 1490—после 1520), «замеченное» польскими исследователями еще в начале XIX в., стало объектом изучения белорусских литературоведов лишь начиная с 60-х годов прошлого века, когда Николай Прашкович впервые дал краткую характеристику его творчества в академической «Истории белорусской литературы»¹. Немного позже Виктор Дорошкевич аргументированно изложил свою гипотезу, согласно которой Ян Вислицкий был выходцем из Беларуси². Центральное произведение Яна Вислицкого, героическая поэма «Прусская война» (*Bellum Prutenum*), изданная в Кракове в 1516 г., — хронологически первый (известный на сегодняшний день) памятник латинской эпической поэзии Беларуси эпохи Ренессанса.

На первый взгляд, героическая поэма «Прусская война» посвящена битве с крестоносцами под Грюнвальдом в 1410 г. На это указывает в первую очередь название поэмы. Кроме того, самая объемная вторая часть (511 гекзаметров) излагает предысторию битвы с тевтонцами, а также ее непосредственное описание. Вот почему эпопею Яна Вислицкого многие польские исследователи XIX и XX вв., действительно, воспринимали прежде всего как поэму о Грюнвальдской битве. Такая установка породила ряд негативных характеристик относительно художественной ценности произведения. Так, Михал Вишневецкий не заметил в «Прусской войне» никакой поэзии³; Кароль Мехежиньский, наоборот, хвалил поэта за живость и изящество

¹ Прашковіч М. І. Паэзія // Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры. Т. 1: 3 старажытных часоў да канца XVIII ст. Мінск, 1968. С. 354–364.

² Дарашкевіч В. І. Мастацкі помнік Грюнвальду // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1975. № 3. С. 56.

³ Wiszniewski M. Historia literatury polskiej. Kraków, 1844. T. VI. S. 229.

описаний, хотя упрекал его за бедность сюжета⁴; наконец, Михал Езеницкий критиковал автора за то, что он не хотел пользоваться историческими источниками⁵. Эти поверхностные суждения первых польских исследователей творчества Яна Вислицкого механически переносились в работы их последователей. Поэтому вопрос о специфике художественной концепции и образной системы «Прусской войны», о ее композиционных особенностях и сегодня не утратил своей актуальности.

Поэма Яна Вислицкого рассматривалась чаще всего без учета ее жанровой природы. А. Ланге, составитель польскоязычной версии фундаментального труда французских литературоведов А. Шассена и Ф.-Л. Марку «Эпос» (Краков, 1894), еще в конце XIX в. констатировал: «Первой польской эпопеей является поэма Яна из Вислицы “Пруская война”»⁶. К сожалению, в дальнейшем в литературоведческой науке XX в. по отношению к этому произведению возобладали подходы в духе Тадеуша Синко, назвавшего Яна из Вислицы «неудавшимся эпиком»⁷.

«Пруская война» — это, без сомнения, «ренессансная эпопея»⁸. Победа над крестоносцами здесь — тот героический фон, на котором разворачивается широкая панорама величественной истории Отечества. Поэтическим образцом для автора «Прусской войны», как и для других поэтов-эпиков времен Средневековья, Ренессанса и Барокко, были памятники древнегреческой и древнеримской эпической поэзии. Еще в поэтической практике античных эпиков — Гомера, Вергилия, Стация — сформировалась устойчивая традиция: начинать *carmen heroicum* презентацией центральной темы, причем буквально в первых словах. Позже Мацей Казимир Сарбевский сформулирует это положение как необходимость изложения в начале произведения «краткого содержания всей эпопеи» (*argumentum totius epopoeiae*)⁹. Первые слова «Илиады» — «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...» (перевод Н. Гнедича), поскольку центральный мотив эпопеи, выполняющий роль композиционного скрепа, — гнев Ахилла. «Одиссея» начинается словами «Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который...» (перевод В. Жуковского), и поэма, соответственно, посвящена истории странствий этого «мужа» — Одиссея. Первые слова «Энеиды» — «Битвы и мужа пою, кто в Италию первым из Трои...» (перевод С. Ошерова под ред. Ф. Петровского): Вергилий рассказывает о войнах, которые вел Эней в борьбе за новообретенное Отечество. Подобным образом, Ян Вислицкий не отступает от литературной традиции «заявки» темы в начале поэмы: первые ее слова *fama felix* («счастливая весть») — это то, о чем собирается он писать.

⁴ *Mecherzyński K.* Jana z Wiślicy «Wojna Pruska» // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności. Kraków, 1880. T. VIII. S. 275.

⁵ *Jeżeniński M.* Uwagi krytyczne nad utworami łacińskimi Pawła z Krosna i Jana z Wiślicy wydanymi przez prof. Dr. B. Kruczkiewicza // Muzeum. Lwów, 1888. R. IV. Z. 4. S. 199.

⁶ *Chassang A., Marcou F.-L.* Epos. Arcydziała Poezyi Epicznej Wszystkich Czasów i Narodów / Przełożył i uzupełnił A. Lange. Kraków; Warszawa, 1894. S. 381.

⁷ *Sinko T.* Poezja nowołacińska w Polsce // Dzieje literatury pięknej w Polsce. Kraków, 1935. Cz. 1. S. 90.

⁸ *Jackiewicz M.* Dzieje literatury litewskiej do 1917 roku. Warszawa, 2003. T. 1. S. 30.

⁹ *Sarbievius M.* De perfecta poesi II, 3, vide: *Mathias Casimirus Sarbievius.* Poetica. Vol. I. Praecepta poetica. De perfecta poesi = Motiejus Kazimieras Sarbievijus. Poetika. I tomas. Poezijos mokslas. Apie tobulą poeziją. Vilnius, 2009. P. 280.

Экспозицию «Прусской войны» Ян Вислицкий строит в соответствии с собственными творческими задачами, и вступительная часть произведения выполняет в этом смысле важную функцию¹⁰. Война с тевтонцами (Прусская война) — идейный стержень поэмы. Возможно, именно поэтому В. Дорошкевич определил жанр этого произведения как «историко-героическая эпопея»¹¹. Однако, как следует из первых строк экспозиции, тема войны неразрывно связывается автором с темой династической — прославлением Ягеллонов.

Argumentum totius epopoeiae у Яна Вислицкого связан с актуализацией образа-символа *fama felix* («счастливая весть»):

Felix astrigeri veniens de cardine mundi
Fama trucidis nimium, Rex invictissime, belli
Sanguineo reboat multum madefacta triumpho
Fortis avi tollendo tui ad fastigia caeli
Gesta...

[*Bellum I, 1–5*]¹².

Fama felix олицетворяет собой в первую очередь память предков, преемственность героических традиций. Победа в Грюнвальдской битве стала для всех нынешних и будущих врагов державы наилучшим свидетельством военной мощи короля Сигизмунда I: ведь если его дед, Владислав-Ягайло, одержал эту великую победу, то и внук будет, несомненно, достойным продолжателем его ратных деяний. Вот почему «счастливая весть» в экспозиции поэмы сочетается с обращением к Сигизмунду I и служит художественным средством символического объединения короля-современника с его «могучим предком» — королем Ягайло. Именно в образе Ягайло воплощена необходимая для классического героического эпоса *idea universalissima herois* <...> *absolutissimi* («наиболее общая идея совершеннейшего героя»), который должен занимать центральное место в эпопее [*Sarbievius. De perfecta poesi II, 7*]¹³. Однако в данном случае Ян из Вислицы применяет оригинальную художественную находку: о короле Ягайло он вспоминает, обращаясь к королю Сигизмунду I.

Таким образом, в центре внимания автора эпопеи — оба Ягеллона. Л. Щербицка-Сленьк весьма удачно сформулировала эту особенность художественной ситуации «Прусской войны»: Ягайло — герой поэмы, Сигизмунд I — персонаж, мотивирующий замысел рассказа о его подвигах. По ее словам, «подчеркивается генеалогическая связь между этими персонажами: Ягайло выступает “дедом” Сигизмунда, основателем династии, а его подвиги, о которых рассказывается в поэме, интерпретируются как деяния родоначальника»¹⁴.

¹⁰ Некрашевич-Короткая Ж. В. Функция экспозиции в античных эпических поэмах и в латиноязычном поэтическом эпосе Великого княжества Литовского // *Senoji Lietuvos literatūra*. Vilnius, 2006. № 21. С. 81–111.

¹¹ Дорошкевич В. И. Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы: Первая половина XVI века. Минск, 1979. С. 108.

¹² Счастливая весть о необычайно суровой войне, непобедимый король, придя от звездного полюса мира, наполненная батальным триумфом, громко отозвалась, вознося до поднебесных высот подвиги твоего могучего предка. — *Пер. автора*.

¹³ *Mathias Casimirus Sarbievius*. Op. cit. P. 302.

¹⁴ *Szczerbicka-Slęk L.* W kręgu Klio i Kalliope: Staropolska epika historyczna. Wrocław; Warszawa, 1973. S. 59.

Видимо, руководствуясь соображением, что оба короля занимают центральное место в эпическом пространстве «Прусской войны», С. Виндакевич назвал поэму «обширным панегириком в честь династии Ягеллонов и короля Сигизмунда Старого»¹⁵. С. Лемпицкий справедливо отметил, что в поэме «Пруская война» автор «задумал создать своего рода “Ягеллониду”, где в центре внимания должны были быть Ягайло и Грюнвальд»¹⁶. Ту же метафору использовал вскоре Б. Надольский, отметив, что «Ян Вислицкий был, пожалуй, первым, кто задумал некую “Ягеллониду”, желая прославить династию Ягеллонов перед иностранцами»¹⁷. И в том, и в другом случае это лишь метафора — довольно удачная, но не до конца позволяющая раскрыть идейный замысел произведения.

«Прусскую войну» с определенной оговоркой можно поставить в один ряд с теми эпико-панегирическими произведениями (*Sforzias* («Сфорциада»), *Borseis* («Борсеида»), *Borgias* («Боргиада») и др.), которыми прославляли своих меценатов итальянские поэты-гуманисты¹⁸. Однако, в отличие от придворных панегиристов Италии XV в., Ян Вислицкий поставил перед собой задачу создания эпопеи общегосударственного значения.

Как доподлинно установил Б. Кручкевич, поэма «Пруская война» была создана ее автором уже в 1515 г. Именно в этом году состоялся Венский конгресс, на котором, как пишет Ф. Дворник, были заключены узы дружбы между Ягеллонами и Габсбургами, и эти узы дружбы «имели первостепенное значение для истории Европы»¹⁹. Приведем здесь также немаловажную литературную параллель. В один год с поэмой «Пруская война», в 1516 г., впервые увидела свет поэма Риккардо Бартолини под названием *De bello Norico, ad divum Maximilianum, Austriados libri duodecim* («О норикской войне, к божественному Максимилиану, Австриада в двенадцати книгах»). Как отметил Л. Пухальский:

Непосредственным поводом и, собственно, темой этого новолатинского поэтического сочинения, была война за право наследования [власти] в Баварии в 1504 г., но, по сути, наибольшее внимание здесь уделяется прославлению правящей австрийской династии: ее история, заслуги и в особенности судьба заслуживают наиболее подробного рассмотрения²⁰.

«Австриада» Р. Бартолини была хронологически первым памятником династического эпоса во славу Габсбургов. Позже появились еще три поэмы с аналогичным названием: в 1540 г. — Иоахима Мюнзингера, в 1559 г. — Рокко Бони, в 1602 г. — Андреаса Гравинуса.

Небезосновательным, с нашей точки зрения, будет предположение, что Ян Вислицкий поставил перед собой творческие задачи, схожие с теми, которые решал Р. Бартолини. Хронологическая последовательность событий, историческая кон-

¹⁵ *Windakiewicz S.* Epika polska. Kraków, 1939. S. 13.

¹⁶ *Lempicki S.* Renesans i humanizm w Polsce: Materiały do studiów. Kraków, 1952. S. 225.

¹⁷ *Nadolski B.* Poezja polsko-łacińska w dobie Odrodzenia // Odrodzenie w Polsce. Materiały sesji naukowej PAN 25–30 października 1953 roku. Warszawa, 1956. T. IV: Historia literatury / Pod red. J. Ziomka. S. 177.

¹⁸ *Burckhardt J.* Kultura Odrodzenia we Włoszech / Przełożyła M. Kreczowska; Wstępem zaopatrzył Z. Lempicki. Wyd. drugie. Warszawa, 1939. S. 266.

¹⁹ *Дворник Ф.* Славяне в европейской истории и цивилизации / Пер. И. И. Соколовой при участии И. А. Аржанцевой и С. С. Никольского; Под общ. ред. И. И. Соколовой. М., 2001. С. 525.

²⁰ *Puchalski L.* Imaginärer Name Österreich. Der literarische Österreich-Begriff an der Wende vom 18. zum 19. Jahrhundert. Wien; Köln; Weimar, 2000. S. 21.

кретика не являются доминантными принципами сюжетного построения поэмы «Прусская война». Поэта волнует тот факт, что о славе Грюнвальдской битвы, которая облетела все далекие и близкие земли и подняла на недостижимую высоту имя короля Ягайло, деда современного ему короля Сигизмунда I и основателя династии Ягеллонов, *vates per tot labentia lustra obticuere libris* («поэты молчали в книгах в течение долгих периодов забвения») [*Bellum I*, 33–34]²¹. Поэт-эпик определяет для себя два приоритетных направления: во-первых, возродить полузабытую славу победы под Грюнвальдом, во-вторых, представить эту победу как тот счастливый *omen* («знак»), который наделяет Ягеллонов исключительными правами владычества на землях Центральной и Восточной Европы.

Ян Вислицкий чувствует в себе творческий потенциал для того, чтобы реализовать этот художественный проект. Его не смущает то, что о славной победе *agmina prisca dearum... fessa silent* («молчат утомленные древние сонмы богинь») [*Bellum I*, 41–43] (речь идет здесь, конечно, о Музах). Именно он, а не кто-либо иной, услышал отзвук той величественной славы. В этом поэт видит подходящую возможность для прославления рода Ягеллонов. В. Короткий так обрисовал путь такого прославления:

Посвятив свое произведение Сигизмунду, в лице которого Ян Вислицкий видел “непобедимого короля Сарматской Европы”, поэт надеялся обратить внимание на свое прошлое именно интеллектуальной элиты, а через их посредничество уважение к истории должно было передаться и простолюдинам²².

Вот почему лексема *fama* не только называет центральную тему произведения в первых строках, но и в целом играет определяющую роль в формировании образного и художественного пространства «Прусской войны». Ян Вислицкий использует весь спектр значений этого существительного («весть», «молва», «слава») в сочетании с различными вариантами коннотаций в своих произведениях.

Задача создания образа главного героя эпопеи, согласно традициям эпического жанра, сочеталась с необходимостью обрисовки художественного пространства как сцены, на которой этот герой выступает. Поэтическая космография Яна Вислицкого, презентация которой происходит в начале первой книги, как справедливо заметил А. З. Цисык, соответствует принятой в поэзии Древнего Рима традиции изображения *orbis terrarum* — земного круга:

В описании географических пределов мира автор “Прусской войны” сочетает названия реальных местностей, известных античности, с традиционными мифологическими представлениями: на крайнем востоке это берега океана, <...> на крайнем западе — это Гесперия, <...> где в водах западного океана исчезает солнечный Феб. На севере — Рифейские горы, название которых впервые было введено в античную географию Гекатеем Милетским <...>, на юге — опаленные колесницей Фэтона долины Нила²³.

²¹ Ссылки на текст поэмы «Прусская война» приводятся в соответствии с традициями классической филологии, по научному переизданию памятника (см., например: *Вислицкі Я. Прусская война = Ioannis Visliciensis Bellum Prutenum*: На лац. і беларус. мовах; уклад, перакл., камент. Ж. В. Некрашевич-Короткай. Мінск, 2005).

²² *Кароткі В. Пісаў пра мінуўшчыну, думаў пра будучыню... // Маладосць. 1997. № 12. С. 90.*

²³ *Цисык А. З. Античные реминисценции во введении к поэме Я. Вислицкого «Прусская война» // Славянские литературы в контексте мировой: Материалы докладов междунар. научн. конференции (Минск, 17–20 октября 1995 г.). Минск, 1995. С. 188.*

Такое расширение поэтического космоса содействовало общему замыслу — прославлению династии Ягеллонов как властителей самых обширных в Европе территорий.

Постепенно вводя тему войны с крестоносцами, поэт в качестве позитивного сопоставления привлекает историю римско-карфагенских войн. Некогда, вспоминает он, могущественное римское войско одолело карфагенян, остановив их агрессию на многие века. Это — напоминание и предупреждение рыцарям-тевтонцам, которые в начале XVI в. под предводительством Альбрехта Гогенцоллерна, избранного в 1511 г. великим магистром Ордена, вновь активизировали свою агрессивную политику, направленную против державы Сигизмунда I. С этой целью поэт создает ретроспективный художественный план: воды Вислы, окрашенные кровью погибших под Грюнвальдом, он сравнивает с кровавыми водами Ксанфа во времена Троянской войны. При этом Ян Вислицкий подчеркивает, что сама легендарная баталия под стенами Илиона, лишившая жизни тысячи троянцев и ахейцев, — результат всего лишь одного бесчестного поступка, измены Елены, дочери Леды.

В духе гуманистического мировоззрения поэт блестяще подводит итог всей экспозиции своего произведения: *Hoc scelus antiquum; belli causas sed iniquas // Ipse stupesco* («Это древнее преступление; я же сам поражаюсь, до чего ничтожными бывают причины войны») [*Bellum I*, 78–79]. Автор с горечью отмечает: подобно тому, как много веков назад войска многочисленных греческих племен собрались в Авлиде, чтобы под предводительством Агамемнона отправиться в море к берегам Илиона, так и во времена Ягайло под стяги «братьев Марии» сошлись войска германских и скандинавских народов, желая *signa Polonorum delere nitentia regum* («уничтожить блистательные клейноты польских королей») [*Bellum I*, 87].

Традиционная для античной поэзии апелляция к Музам логично заменяется у поэта-христианина молитвой к Деве Марии. Перенос на Богородицу функцию покровительницы творцов и используя «маринистическую» топику как дань уважения великому Вергилию, Ян Вислицкий просит помочь ему в создании произведения, принести благоприятные ветра и направить роstrу его корабля в доброе русло.

Включение в текст поэмы вступительной молитвы, обращенной к Богородице, можно объяснить и еще одним обстоятельством. Во время Грюнвальдской битвы ратники Ягайло и Витовта пели песню «Богуродица Девица» (*Bogurodzicza Dzewicza*), служившую военно-патриотическим гимном и после одержанной в 1410 г. победы получившую название «Грюнвальдской песни»²⁴. Интересно, что галицкий ученый В. Щурат считал песню «Богуродица...» западно-русским памятником конца XIV в., сохранившимся лишь в нескольких польских транскрипциях XV и XVI в.²⁵ Эту песню знал, бесспорно, и Ян Вислицкий. Вот почему Богородица — а не Муза! — появляется в начале поэмы, большая часть которой посвящена истории войны 1410 г. Поэт просит о помощи Пресвятую Деву, ибо именно к ней обращались в песне его соотечественники, ратники под Грюнвальдом.

²⁴ Яворский Ю. А. Новая гипотеза о происхождении т. наз. Грюнвальдской песни (*Bogurodzicza dzewicza*). Киев, 1907. С. 3.

²⁵ Яворский Ю. А. Новая гипотеза о происхождении... С. 12.

В целом экспозиция «Прусской войны», концепцией которой, как справедливо считает К. Келер, автор «обязан эпикам»²⁶, несет на себе значительный след увлеченности риторикой в интеллектуальной среде Ягеллонского университета начала XVI в. Вот почему вступительная часть поэмы значительно превышает по объему экспозиции античных эпоей: она занимает целых 109 начальных гекзаметров. Причем она состоит из тех же (правда, неравновеликих) частей, что и экспозиция «Энеиды»: первая — заявка темы (аргумент), вторая — обращение к Музе (у Яна Вислицкого — к Богородице).

Важной задачей для автора «Прусской войны» было осуществить репрезентацию малоизвестной для западноевропейского читателя «сарматской земли», как со времен Геродота и Клавдия Птолемея называли великую Родину поэта. На фоне государственно-династической тематики Ян Вислицкий «акцентировал в своем произведении проблемы взаимоотношений европейских народов и преемственности лучших исторических и культурных традиций»²⁷, рассуждал о поисках путей укрепления могущества Отечества. Поэтому существенным элементом художественной фактуры поэмы «Прусская война» являются разнообразные сведения географического и этнографического характера. Они фиксируют представления ученого поэта XVI в. (Ян Вислицкий был *magister extraneus* Ягеллонского университета) о расселении различных народов, об их нравах и обычаях.

Так, после инвокации к Богородице воспевается *terra sub arctoa famata Lycaonis ursa* («славная земля под северной Ликаонской медведицей»²⁸) [*Bellum I, 110*]. Поэт отмечает, что *accola rudis* («невежественный сосед») назвал эту страну *Sarmatia*, хотя правильное, исконное ее название — *Polonia: Nam sua sic dicti patrio sermone Poloni // Rura tenent agrosque colunt* («Ведь поляки, назвавшие так себя на своем собственном языке, владеют [здесь] землями и возделывают поля») [*Bellum I, 115–116*]. Происхождение названия страны, таким образом, автор возводит к самоназванию народа, составлявшего значительную часть ее населения; происхождение топонима увязывается с этимологией этнонима.

Упоминание народов, живших по соседству с поляками, сочетается с очередным обращением к королю: все эти народы, отмечает автор, объединены властью Сигизмунда I. Соседи поляков — *triplices Rutheni* («тройкие русины»), которые, по словам поэта, *ad Euxini Nomades pelagi Mysosque // Ac Tanaim protensa et ad aequora lata Livonum* («расселились вплоть до номадов и мисийцев на Черном море, а также до широких просторов ливонцев» [*Bellum I, 121–122*]). Локализация тройкой (Черной, Белой и Красной) Руси Яном Вислицким соответствует карте расселения части восточных славян, которые в XVI в. на юге и юго-западе граничили с татарами и валахами (молдаванами и румынами), а на севере с ливонцами. Поэт не определяет восточной и западной границ «тройкой Руси», что связано, возможно, с его политическим кредо, нашедшим наиболее яркое выражение в третьей книге поэмы.

²⁶ Koehler K. *Bellum Prutenum (Wojna Pruska) Jana z Wiślicy // Historia literatury polskiej w dziesięciu tomach*. T. II. Renesans. Bochnia; Kraków; Warszawa, 2000. С. 187.

²⁷ Дорошкевич В. И. Новолатинская поэзия... С. 108.

²⁸ То есть под созвездием Большой Медведицы (традиционный поэтический топос для обозначения северных стран).

Другие народы, которые *perdomitant diademate* («подчиняются власти») Сигизмунда, — это обитатели Прикарпатья, Богемии и восточной части Паннонии. Их земли были под властью Ягеллонов с 1440 до 1526 г. (до установления власти Габсбургов на большей части этих территорий). Последним среди обитателей «Полонии» упоминается *effera gens... Masoviae, Prussis contermina quaeque superbis* («дикий народ... Мазовии, соседи надменных пруссов») [*Bellum I, 132–133*] — население того региона, откуда и разразилась война в начале XV в. Все эти народы, подчеркивает поэт, подчинялись польским королям. Вот почему после своеобразного географически-этнографического экскурса Ян Вислицкий рассказывает о легендарных основателях польского государства: Лехе, Краке и Ванде.

Лех лишь упоминается автором как *moderator primus* («первый правитель») [*Bellum I, 137*], но это хронологически первое в печатной литературе упоминание о нем. Правда, легенда о Лехе зафиксирована у Яна Длугоша, но в начале XVI в. его «История» существовала только в рукописи. «Трактат о двух Сарматиях» Матвея Меховского, где о Лехе рассказано подробнее, был впервые опубликован в 1517 г.²⁹

Сама же идея обращения к легендарной истории Польши была связана с особым творческим замыслом автора. Понять этот замысел помогает поэма *Vitae regum Polonorum* («Жизнеописания королей Польши») польского поэта-лауреата Клеменса Яницкого, который в 1563 г., почти через полвека после Яна Вислицкого, также обратился к истории первых правителей Польши. О Лехе Яницкий сообщает следующее:

Quaemodo Sarmatia est, quondam deserta fuerunt
 Invia, post magnas Deucalionis aquas.
 Primus in haec Laechus populum deduxit agrestem,
 De patria pulsus seditione domo:
 Dalmatia vir Phariis claro patre natus in agris,
 Quos rapidus curvis Crupa pererrat aquis.
 Colle super pulcro properate moenia Gnezne
 Struxit, et a nidis nomen habere dedit

[*Janicius. Vitae regum. 1–8*]³⁰.

Из процитированных строк очевидно, что, согласно легенде, Леха считали чужеземцем (выходцем из Далмации). Это типичный для этиологического предания ход: вспомним варягов Рюрика, Синеуса и Трувора, прибывших с северо-запада, либо римского патриция Палемона (Публия Либона), беглеца из Рима. Лех начал править в Гнезно, однако позже столицей государства стал Краков. Аналогичным образом Рюрик начал править в Ладоге, но позже «сел» в Новгороде; сыновья Палемона заложили города Юрборк и Ковно, однако столицей основанной ими державы стал Новогрудок.

²⁹ *Malicki J. Mit początku narodu a świadomość etniczna. XVI-wieczne polemiki o pradzieje Polski, Litwy i Śląska // Między Wschodem a Zachodem. Część II. Piśmiennictwo pogranicza / pod red. R. Łużnego i St. Nieznajnowskiego / Dzieje Lubelszczyzny. Warszawa, 1991. T. VI. S. 33–34.*

³⁰ «То, что сегодня — Сарматия, некогда было безлюдной пустыней после великих вод Девкалиона (т. е. Всемирного потопа. — *Ж. Н.-К.*). Лех, изгнанник из отеческих владений, выходец из Далмации, сын славного отца, рожденный в фарийских землях, первым привел сюда простой народ. Стремительная Крупа течет вокруг извилистыми водами. На высоком холме он быстро соорудил каменные стены Гнезно и дал (городу) имя от гнезд». — *Перевод автора (Vitae regum Polonorum elegiaco carmine descriptae. Auctore Clemente Janicio Polono, poeta laureate. Antverpiae, 1563).*

Имя Крака трансформируется поэтом в форму древнеримского родового имени (*cognomen*) *Gracchus*. К этому роду принадлежали известные государственные и политические деятели Древнего Рима. Наиболее известные из них — Тиберий (162–133 до н. э.) и Гай (153–121 до н. э.) Гракхи. По мнению Б. Кручкевича, поэт называет Крака Гракхом согласно литературной традиции того времени³¹. В. Короткий отмечает:

Видимо, даже этим поэт-новолатинист хотел указать на отдаленные связи <...> между древнеримским патрицианским родом Гракхов и родом патриция Палемона, мифического основателя династии великих князей Литовских³².

Крак прославляется прежде всего как основатель Кракова — города, особенно дорогого Яну Вислицкому: здесь находится его *alma mater*, Ягеллонский университет. Именно на этом основании поэт сопоставляет Краков с Афинами и Римом — научными центрами античного мира.

Симптоматично, что Ян Вислицкий опускает все легендарные предания, связанные с Краком, даже самое популярное из них — о победе над ужасным «вавельским» драконом (в поэме Яницкого эта легенда присутствует). Для автора «Прусской войны» Крак в первую очередь — один из патриархов верховной власти в государстве, в котором ныне правят Ягеллоны.

Опущение исторических деталей, связанных с временами правления Леха и Крака, — еще один косвенный аргумент в пользу белорусского происхождения Яна из Вислицы. Эти детали были бы важны для этнического поляка. Так, испанец Петр Роизий в своей поэме *Ad proceres Polonos de matrimonio Regio* («Польским сановникам о бракосочетании короля»; Краков, 1553) уточняет, что Лех был *de gente suprema* («из знатного рода»)³³. В самом деле, для польских сановников, которым предназначалось произведение, — это важная информация. Яну из Вислицы достаточно краткого упоминания Леха и Крака. Более того, читатель «Прусской войны» не узнает ничего о двенадцати князьях, правивших после Леха; в поэме же Клеменса Яницкого они упоминаются. Иными словами, имена Леха и Крака имеют для Яна из Вислицы символическое значение, и этот символ станет понятен только в контексте второй и третьей книг поэмы.

Возвышенное поэтическое описание, проникнутое лиризмом, посвящено дочери Крака — королеве Ванде. С давних времен легенда о Ванде и немецком князе Ритигере, за которого она отказалась выйти замуж, была весьма популярна в польской письменной традиции, появившись впервые в виде упоминания в хрониках Винцента Кадлубка и Годзислава Паска³⁴.

Образ польской королевы-девицы привлек Яна Вислицкого прежде всего трагической историей ее жизни. Ванда в свое время отвергла германского (и это было

³¹ *Pauli Crosnensis Rutheni atque Joannis Visliciensis carmina*; edidit Dr. Bronislavus Kruczkiewicz. Cracoviae, 1887. P. 170.

³² *Karotki U. G.* Дзяржаўная і дынастычная гісторыя ў «Прускай вайне» Яна Висліцкага // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики: Материалы междунар. научн. конференции: В 2-х ч. Ч. 2. Гродно, 2001. С. 262.

³³ *Ad proceres Polonos de matrimonio Regio Petri Royzii Maurei Hispani jurisconsulti carmen*. Cracoviae, [1553]. P. 11.

³⁴ *Mortkowiczówna H.* Podanie o Wandzie. Dzieje wątku literackiego. Warszawa, 1927. S. 11–17, 35.

существенно для автора «Прусской войны») князя и смело вышла с войной против него. Безусловно, для поэта это своеобразный символ того, что правители «сарматских» земель испокон веков не желали подчиняться германцам, не желали даже вступать с ними в брачный союз и — что самое главное! — издавна одерживали над ними военные победы, как это сделала Ванда. Позже по загадочным причинам Ванда покончила жизнь самоубийством, прыгнув с высокой скалы в воды Вислы. И народ оказал особую честь дочери Крака: в память о ней близ городских стен был насыпан высокий курган.

Позже к образу Ванды обращались в своих стихах поэты Клеменс Яницкий и Ян Кохановский, Мацей Стрыйковский, Себастиан Кленович и Ян Ахаций Кмита. Доказательство необычайной популярности Ванды, по мнению А. Брюкнера, — не менее 160 драм, баллад, романсов и статей, посвященных ей³⁵. Однако у Яна Вислицкого мы находим хронологически первую поэтическую обработку этой легенды.

Отметив, что с Вандой прервался род Крака, Ян Вислицкий обращается за помощью, чтобы продолжить рассказ о правителях «Полонии». Он просит поддержки у «древней Вести» (*Fama vetus*), а также у Музы Каллиопы [*Bellum I, 217–220*]. Фактически, поэт делает «Весть» десятой Музой, в очередной раз подчеркивая ее символическое значение в идейном замысле целого произведения.

Неожиданно появляется Аполлон и советует поэту прервать поэтический рассказ из соображений его юного возраста: *quoniam tenerum non ista puellum // Vena decet* («поскольку [исследовать] эти недра (т. е. такую древность. — Ж. Н.-К.) не подобает нежному юноше» [*Bellum I, 234–235*]). Эту задачу Аполлон вознамерился переадресовать другим авторам, причем сформулировал свое намерение весьма своеобразно. Он заявляет, что другие поэты расскажут о тех королях, ... *coluit quos durus Sarmatha, sed tu // Sideream stirpem regis modulari Poloni, // Nec non fortis avi praestantia facta sui...* («которых почитает суровый сармат; ты же воспевай божественного наследника польского короля и подвиги его могучего предка...») [*Bellum I, 252–255*].

Заметим, что в этих строках Ян Вислицкий противопоставляет названия *Sarmata — Polonus*. Тем самым поэт стремится отделить Ягеллонов, правящих в современной ему стране («Полонии»), от их предшественников на троне — представителей династии Пястов, правителей полупоэтической Сарматии. Дело прославления сарматских королей Ян из Вислицы оставляет сарматским же поэтам.

Неожиданным переходом от Ванды к Ягайло он хочет также выразить свою патриотическую позицию, согласно которой ключевые вехи истории Полонии связаны с эпохой правления Ягеллонов. Ведь именно они превратили первоначально моноэтническую страну в могущественную державу, которая в XVI в. стала занимать ведущие позиции на европейской арене. Сарматия была только далеким, «варварским» краем в представлении жителей Западной Европы (вот почему сармат заслуживает у поэта эпитет *durus* — «суровый, грубый»); Полония — цивилизованное государство. Европейские монархи — Габсбурги, Гогенцоллерны, Рюриковичи — считали выгодным и целесообразным объединить своих наследников династическим браком с Ягеллонами.

³⁵ *Brückner A. Dzieje kultury polskiej. Warszawa, 1958. T. I: Od czasów przedhistorycznych do r. 1506 (wydanie trzecie). S. 157.*

И все же остается вопрос: почему автор «Прусской войны» прервал поэтическую родословную правителей Польши, будто бы нарушая композиционную целостность произведения? Приведем здесь одно интересное литературоведческое сопоставление. В 1589 г. типография Виленской иезуитской академии выпустила сборник посвященных королю Сигизмунду III панегирических стихотворений, авторами которых были студенты Авраам Кшевский и Александр Раецкий. Первым в сборнике помещено стихотворение *Sigismundum III, successorem suum reges Poloniae salutant* («Короли Польши приветствуют своего наследника Сигизмунда III»). И перед читателем, в самом деле, выступают все польские правители: Лех, Крак, Ванда, Пшемислав (Лешко I), Пяст и т. д. вплоть до Владислава-Ягайло и его наследников³⁶.

Примерно то же, на первый взгляд, должен был сделать Ян из Вислицы. Нарушение этой логики определенно связано с некоей особой художественной задачей, которую поэт решает при помощи необычного построения произведения. Такой сюжетно-композиционный ход, когда, завершив в первой книге «Прусской войны» рассказ о Ванде, вторую книгу поэт открывает рассказом о происхождении короля Ягайло, было бы слишком примитивно объяснять простой случайностью, а тем более — несовершенством поэтического мастерства (за что несправедливо упрекали поэта польские исследователи XIX – начала XX в.).

Глубинная сущность идейного замысла поэта, которой объясняется необычный финал первой книги, была концептуально осмыслена В. Г. Коротким:

Как некогда единство Руси воспринималось как единство княжеского рода Рюриковичей, так ныне единство государства народов Польской Короны и Великого княжества Литовского воспринималось как наследственное право Ягеллонов на владение, а также обязанность защиты и сохранения этих земель. <...> Историческая аналогия напрашивается сама собой: как некогда Рюриковичи стали владеть державой Кия, Щека и Хорива с центром в Киеве, так и Ягеллоны — на землях Леха, Крака и Ванды с престолом в Кракове³⁷.

Позже ученый добавил, что, «...затрагивая династическую историю Польской Короны, Ян Вислицкий <...> сознательно обходит историю правления Пястов, которая не увязывается с его династически-государственной концепцией»³⁸. Фактически здесь, как и в поэме Р. Бартолини, воплощена идея *translatio imperii* применительно к «сарматскому» региону. Таким образом, композиционное построение поэмы на макроструктурном уровне стало художественной иллюстрацией понимания династической преемственности в истории Польши.

В соответствии с задачей, поставленной «вдохновителем поэтов» Аполлоном, Ян Вислицкий в экспозиции второй книги презентует тот край, откуда происходит победитель в Прусской войне 1410 г., дед короля Сигизмунда — Ягайло. Это Великое княжество Литовское — *Lithuania*.

Но не только стремлением прославить родной край продиктовано начало второй (самой объемной) книги «Прусской войны». Ян Вислицкий — уроженец белорус-

³⁶ *Serenissimo ac potentissimo principi Sigismundo III. Regi Poloniae Magnoque Duci Lituaniae, etc. etc. felicissimum et optatissimum Vilnam ingressum gratulatur Krzewski A., Raiecki A. Bonarum Artium in Academia Vilnensi Societatis Jesu studiosi. Vilnae, 1589. P. 3–14.*

³⁷ *Кароткі У. Пісаў пра мінуўшчыну... С. 91–92.*

³⁸ *Кароткі У. Г. Дзяржаўная і дынастычная гісторыя... С. 263.*

ской земли, но воспитанник «польского Отечества» (как пишет он в прозаическом предисловии, адресованном учителю магистру Павлу из Кросно). По словам В. Короткого, он поставил перед собой задачу:

... доказать право Ягайло и Ягеллонов на великокняжеские земли, поскольку во времена Сигизмунда I были весьма сильны сепаратистские настроения в Великом княжестве Литовском³⁹.

Вот почему поэту важно подчеркнуть: Ягайло, как и Витовт, происходит из Литвы, а значит, Ягеллоны (Ольгердовичи) — такие же полноправные наследники великого княжения, как и Кейстуовичи.

В начале второй книги «Прусской войны» Ян Вислицкий впервые в европейской поэзии представил своеобразный «белорусско-литовский набор» природных богатств, который позже будет повторяться у других поэтов и, фактически, станет новым художественным топосом (*locus communis*) в произведениях Николая Гусовского, Яна Радвана, Франтишка Князьнина, а затем и у поэтов XIX в. — Адама Мицкевича, Владислава Сырокомли. Родина поэта богата тенистыми лесами, цветущими лугами, медоносными ручьями; славу ей приносят мужественные воинственные жители.

Как и в случае с названием *Polonia* (в первой книге), поэт стремится проникнуть в этимологию названия *terra Lithuana* («литовская земля») и пишет так: *Quem dixere rudi Lithuanam nomine terram // Indigenae veteres...* («Древние обитатели называли ее (страну) простонародным именем — литовской землей...») [*Bellum II*, 5–6].

В. И. Дорощкевич трактует выражение «*rude nomen*» как «грубое имя», поэтому комментирует эти строки следующим образом:

«Грубое имя» по отношению к Литве — полемически-ироническое, результат воздействия на Яна из Вислицы той европейской (заимствованной от греков и римлян) литературной традиции, согласно которой, во-первых, земли от Вислы до Дона назывались Европейской Сарматией <...>, а во-вторых, все они считались малокультурными, «грубыми» (в противоположность Италии) «странами Севера»⁴⁰.

Я. Порецкий оспаривает такой перевод и считает, что процитированную строку следует переводить так: «...местный простой народ называл Литвою землю...»⁴¹ Однако сама грамматика латинского языка не позволяет сочетать форму прилагательного 3-го склонения *rudi* с формой существительного *indigenae* («местного жителя»). Судя по падежной форме (*Ablativus singularis*), это прилагательное на самом деле согласуется с существительным *nomine* («именем»).

Другое дело, что для слова *rudis* в данном случае следует подобрать иной лексический эквивалент: не «грубый», а «простонародный», «простой». Словосочетание «простонародное название» (*nomen rude*) по отношению к номинации «Литва» можно прокомментировать соответствующим фрагментом из «Хроники Быховца»:

Y prozwał tot Kiernus bereh jazykom swoim włoskim, po łatine Litus, hde sia ludy mnożat, a truby, szto na nich ihraiuł, tuba, y dał imia tym ludem swoim po łatine, złożywszy bereh s truboiu, Listubania. Y prostyi lude ne umeli zwaty po łatine y poczali zwaty prosto Litwoiu⁴².

³⁹ Короткі У. Г. Дзяржаўная і дынастычная гісторыя... С. 263.

⁴⁰ Дарашкевіч В. І. Мастацкі помнік Грунвальду // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1975. № 3. С. 56.

⁴¹ Парэцкі Я. Ян Вісліцкі. Мінск, 1991. С. 28.

⁴² Хроника Быховца // ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 129.

То, что Ян Вислицкий считает слово «Литва» *rudi nomine* («простонародным названием»), позволяет предположить, что поэт был знаком с историческими преданиями, в которых нашла отражение концепция происхождения великих князей литовских от римского патриция Палемона (Публия Либона). Как позже показал Мацей Стрыйковский в своей «Хронике», сведения о Палемоне и его прибытии в Литву встречаются начиная с *głębokich historyków*⁴³.

Слова поэта «дали простонародное название — Литовская земля» В. И. Дорошкевич считает результатом своеобразного переосмысления поэтом «сарматской теории» в русле своих патриотических чувств. И если в целом эта гипотеза представляется достаточно субъективной, то вполне убедительно выглядит конкретный вывод ученого о том, что в данном эпизоде «Прусской войны» идет речь не только об этнографической Литве, но и о землях центральной и западной Беларуси, а также юго-восточной части Литвы, составлявших историческое ядро Великого княжества Литовского»⁴⁴.

Этот вывод подтверждается в первую очередь тем, что Ян Вислицкий сознательно подчеркивает белорусское происхождение Ягайло, ставшего основателем новой королевской династии [см.: *Bellum II*, 8–10]. В самом деле, «дедина» Ягайло — это те земли, которые он получил в наследство от своего отца, великого князя Ольгерда. А это, согласно «Летописцу Великих князей Литовских», — белорусские земли. Так, читаем в названной летописи, что великий князь Гедимин «Олгирду, королеву оцу, [дал] Крево; да к тому князь витебский сынов не держаль, приняль его к дотьце, Витебськ в зяти»⁴⁵.

Не мог Ян Вислицкий не знать и того, что мать короля Ягайло была тверская княгиня Ульяна Александровна, а значит, Ягеллоны в определенном смысле могли претендовать на «дедичную» власть и в соседних «русских» землях. Таким образом, поэт предварительно формулирует историко-политическое обоснование тех имперских апелляций, с которыми он обратится к Сигизмунду I в финале эпопеи.

Говоря о власти Ягайло, поэт отмечает, что он *juga Lithuani rexit Mavortia sceptri* («установил Марсово ярмо литовской власти») [*Bellum II*, 16]. Такое понимание специфики государственного строительства по отношению к Великому княжеству Литовскому подтверждается концепциями современных белорусских историков. Так, Г. Саганович констатирует, что:

... Политическая экспансия Литвы на восток привела к конструктивному образованию фактически литовско-белорусского государства, в котором при политической доминации литовцев значение территориального, демографического и общественно-культурного потенциала Беларуси возросло еще в течение нескольких столетий⁴⁶.

Среди народов, над которыми Ягайло установил свою политическую власть, поэт называет *nomine Tartarico Nomades quos nuncupat aetas* («тех, с именем “татары”, которых древность называет номадами»), *Massagetes truces* («суровых массагетов»),

⁴³ Ktora przedtym nigdy światła nie widziała, Kronika Polska, Litewska, Zmudzka y wszystkiej Rusi... przez Macieja Osostewiciusa Striykowskiego dostatecznie napisana, złożona, y... nowo wydźwigniona... W Krolewcu, 1582. S. 70.

⁴⁴ Дорошкевич В. И. Новолатинская поэзия... С. 107.

⁴⁵ Летописец Великих Князей Литовских // ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 61.

⁴⁶ Сагановіч Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя. Мінск, 2001. С. 72.

а также *albos belli celebres virtute Ruthenos* («белых русинов, славных военной доблестью») [*Bellum II*, 18; 20; 22].

Остановившись подробнее на последнем выражении, отмечу, что *albi Rutheni* («белые русины») — довольно проблематичный в историческом плане термин государственно-этнической идентификации⁴⁷. *Albi Rutheni* Яна Вислицкого — это, конечно, не то же самое, что сегодняшние белорусы. Этот термин употреблен поэтом для обозначения определенной части восточных славян, причем употреблен однократно. Под «белыми русинами» Ян Вислицкий, скорее всего, подразумевает жителей того самого региона, который позже определял как «*Alba Russia*» («Белая Русь») Пауль Одерборн: *Polocia... Soccolia, Czussa, Turobla et aliis Albae Russiae oppidis... Germani omnes... dimissi sunt* («Из Полоцка... Сокола, Чусы, Туровли и других городов Белой Руси... все немцы... были отпущены») ⁴⁸. Видимо, приблизительно через эти города, упомянутые немецким писателем-священником конца XVI в., проходила западная граница этнической Белой Руси. Соответственно, «белых русинов» Яна Вислицкого следует отождествлять с жителями сегодняшнего белорусско-российского пограничья.

Почему же Ян Вислицкий ограничил этнический состав Великого княжества Литовского тремя названными народами? Ответ на этот вопрос возможно дать лишь исходя из целостного идейно-художественного замысла автора. Как помним, в экспозиции первой книги поэт представил поэтическую панораму *orbis terrarum* («земного пространства»), ниже — *orbis Poloniae* («пространства Полонии»), подвластных Ягеллонам земель. Вторая же книга открывается презентацией *orbis Lithuaniae* («пространства Литвы») — того края, откуда происходит основатель новой королевской династии, Ягайло.

В самом деле, «номады» (татары) — жители южных границ этого государства, «массагеты» (жемайты) населяют ее северо-западные пределы, а «белые русины» — земли на востоке Великого княжества Литовского. Вот почему при первой презентации «этнического сообщества» поэт выбирает именно те народы, которые живут в приграничных регионах государства; вот почему он делает акцент не на литвинах, не на черных либо красных, а именно на белых русинах.

После экскурсии в историю миграции тевтонцев (из Иерусалима в Пруссию) поэт рассказывает о подготовке к войне и подробно описывает состав вражеского войска. Упомянув жителей прирейнского края, «народы Габриты и Густолистой Луны», гельветов и фризов, свевов и британцев, автор подводит итог:

Tota fuit Germania, tota potentia plebis,
Quae fert esse suum Germano sanguine cretum

[*Bellum II*, 112–113]⁴⁹.

Многочисленное тевтонское войско объединяет один существенный фактор — германская кровь. Именно это обстоятельство более всего беспокоит поэта. Вот

⁴⁷ См.: Юхо Я. А. Белая Русь // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Мінск, 1993. Т. 1: А — Беліца. С. 493.

⁴⁸ [Oderbornius P.] De russorum religione, ritibus nuptiarum, funerum, victu, vestitu etc. et de Tartarorum religione ac moribus vera et luculenta narratio, ad d. Davidem Chytraeum recens scripta <...> [Rostochiae], 1582. P. 2.

⁴⁹ «Это была вся Германия, вся сила народа, который связывал свое происхождение с германской кровью». — *Пер. автора.*

почему во второй книге вновь появляется Весть (*Fama*), призывая как аристократов, так и простолюдинов *tutari agros* («защитить [родную] землю») [*Bellum II*, 121]. Вслед за нею *rex pius atque potens* («благочестивый и могучий король») собирает в войско *audaces gentes... quas ditione sua tenuit rexitque per omnem Sarmatiam* («отважные народы, которых он подчиняет своей власти и [которыми] правит во всей Сарматии») [*Bellum II*, 128–130], в том числе и те народы, которыми *praetulit... frater Vitoldus* («предводителюствует брат Витовт») [*Bellum II*, 132–133].

Таким образом, уже на этапе описания подготовки к битве Ян Вислицкий формирует представление о «священной войне», которой стала в истории Прусская война 1410 г. Король здесь выступает как объединитель и духовный вдохновитель народа. Великий князь Витовт появляется во второй книге героической поэмы как бы «в тени» короля Ягайло. Поэт, называя великого князя *fulmen belli* («молния войны») [*Bellum Prutenum II*, 131], рассказывает, что он собрал в свое войско *letifero Russos pugnare paratos arcu* («руссов, готовых стрелять из смертоносного лука»), *Nomades diros* («диких номадов»), *Massagetas ad arma nimis crudelia promptos* («массагетов, готовых к самым жестоким сражениям») [*Bellum II*, 136–142].

Здесь и далее Ян Вислицкий более не упоминает *albos Ruthenos* («белых русинов»). Теперь рядом с номадами и массагетами у него фигурируют все *Russi* — «руссы» или «русины», принявшие участие в Грюнвальдской битве. При описании первой атаки войска великого князя Витовта поэт вновь обращает внимание на этнический состав ратников. Теперь у него фигурируют четыре этнонима: к выше перечисленным здесь добавлены *Lithuani* («литвины») [*Bellum II*, 202]. Когда же поэт рассказывает о поражении войска Витовта, то «этнический набор» в этой сцене снова изменяется: упоминаются только руссы, номады и литвины [*Bellum II*, 216; 219–221].

Сложно однозначно определить принцип, в соответствии с которым употребляются этнонимы, и точно понять, *who is who*: это требует более широких исследований в области древней этнонимии. Но сам поэт, употребляя те или иные этнонимы, конечно, совершенно четко соотносил их с определенными этническими группами. Выделение «литвинов», «руссов (русинов)» и «массагетов» как тех народов, которые населяли государство Витовта, соответствовало представлению об этом государстве как «Великом княжестве Литовском, Русском и Жемойтском». «Номады» же (татары), как известно, сыграли значительную роль в ходе Грюнвальдской битвы.

Видя в составе войска Витовта представителей разных народов, Ян Вислицкий все же акцентирует внимание на их объединении в одно целое для борьбы с общим врагом. Так, обращаясь к Витовту, поэт называет его ратников *multa agmina tuae gentis* («многочисленные полки твоего народа») [*Bellum II*, 221]. «Народ Витовта» — это не представители определенной этнической группы, а все подданные великого князя. Интересно, что в своей речи, обращенной к Ягайло, Витовт противопоставляет *nostros phalanges* («наши отряды») и *tuos Polonos* («твоих поляков») [*Bellum II*, 239–244]. Тем самым еще раз подчеркивается наличие двух вождей в судьбоносной битве с крестоносцами.

Ягайло у Вислицкого — *rex divus* («божественный король»), вдохновитель войска. Эпитет *divus* («божественный») сюжетно оправдан тем пророческим видением с предсказанием победы, которое получил Ягайло. Поэтому под пером поэта он

приобретает ореол святости. Попытку короля разрешить конфликт с тевтонцами бескровно, его мирные предложения врагам мотивированы тем, что

...regis in egregio pulcherrima corde
Virtus, tum probitas et fervor pacis honestae,
Et pietas super audaces gratissima Prussos
Canduit...

[*Bellum II, 145–148*]⁵⁰.

И все же первым именно как полководец выступает в «Прусской войне» великий князь Витовт. В. Дорошкевич писал:

Если сильно идеализированный Ягайло «принял» на себя «пацифизм» поэта, его активное неприятие войны, то в образе Витовта воплотилась такая не менее важная черта гуманизма Яна из Вислицы, как деятельный патриотический пафос, верность поэта традициям народного свободолюбия и воинской доблести⁵¹.

Белорусский ученый метко охарактеризовал представленную в идейном замысле поэмы оппозицию: Ягайло — *dux pacis* (вождь мира), Витовт — *dux belli* (вождь войны). На этот художественный феномен «Прусской войны» обратила внимание также Э. Ульчинайте⁵². Правда, вряд ли приходится говорить о «пацифизме» поэта, призывающего короля Сигизмунда: *Egredere, ac diris vicina remotaque bellis // arva situ vasto circumflua gurgitis alti* («Выйди и пройди кругом с суровыми войнами далекие и близкие земли на обширном побережье глубокого моря») [*Bellum II, 261–262*]. Но в народном восприятии в связи с войной 1410 г. сформировалось представление о «миролюбивом» короле Ягайло.

Вот почему Ян Вислицкий сознательно пошел на нарушение исторической правды в описании подготовки к войне. Ведь, согласно «Прусской войне», ощутив реальность угрозы германской агрессии, Ягайло собрал войско для битвы, и лишь после этого отправил послов во вражеский стан, чтобы предпринять последнюю попытку мирного разрешения конфликта. В реальности, согласно историческим источникам, отправка послов предшествовала сбору войска, на что в свое время обратил внимание В. Дорошкевич⁵³.

Вторая книга «Прусской войны» раскрывает сущность авторского замысла: представить *fata duelli* — «судьбы войны». *Fata* — это не то, что занесли в свои манускрипты старательные летописцы, не подробные исследования историков с именами, цифрами, фактами, реальными высказываниями реальных участников событий. Это — народная память о великой победе; это то, что передается из поколения в поколение тогда, когда уже стирается все несущественное, когда остается *fama felix* («счастливая весть»), очищенная в реке времени, словно золото в огне.

⁵⁰ «... в благородном сердце короля сияла прекраснейшая добродетель, а также искренность, горячее желание достойного мира и величайшее благочестие по отношению к отважным пруссам...». — *Пер. автора*.

⁵¹ *Дарашкевич В. И.* Масацкі помнік Грунвальду... С. 58.

⁵² *Ulčinaite E.* Literatura neofacińska jako świadectwo litewskiej świadomości państwowej i narodowej // *Łacina w Polsce: Zeszyty naukowe pod red. J. Axera. Z. 1–2: Między Slavia Latina i Slavia Orthodoxa.* Warszawa, 1995. S. 30.

⁵³ *Дорошкевич В. И.* Новолатинская поэзия... С. 119.

Поэт не стремится к созданию поэтической интерпретации исторических событий. В целом, отношение поэта к истории соответствует традициям христианской культуры Средневековья, где история в первую очередь, по словам Я. Нехутовой, «...была *magistra vitae*, наставницей жизни, так что из нее можно было черпать поучения относительно надлежащего образа жизни»⁵⁴. По замыслу Яна Вислицкого, сама история должна преподать надлежащий урок правителям всех государств Центральной и Восточной Европы. Вот почему во второй книге «Прусской войны» мы не найдем исторической конкретики: здесь немного имен, отсутствует фактография (она компенсируется поэтическими ретардациями в стиле античного героического эпоса), не разграничивается история и легенда при описании битвы. Именно за это упрекали поэта польские ученые. Но дело в том, что Ян Вислицкий сознательно отталкивается от исторических описаний. Э. Ульчинайте справедливо заметила, что поэта «больше интересует художественная и патриотическая правда, нежели документальная»⁵⁵. В основе его поэтической палитры — соцветие литературных и устных народных преданий о войне с тевтонцами.

Здесь необходимо подчеркнуть, что набор образов, с помощью которых в сочинении Яна Вислицкого рисуется облик Грюнвальдской победы, тесно перекликается с древнейшими литературными памятниками, посвященными знаменитой битве. Среди них исследователи в первую очередь упоминают стихотворение, выбитое на стене краковского замка и сохранившееся в рукописях середины XV в.⁵⁶ Победа над крестоносцами воспевалась в религиозно-дидактических песнях Николая из Блони, а также Яна, монаха из Андреева (XV в.), в анонимной старосветской «Песне о Прусской войне» (созданной около 1510 г.)⁵⁷.

Большая часть названных памятников, а также фольклорные тексты, посвященные Грюнвальдской битве, были детально проанализированы в 1910 г. польским ученым В. Ханом. Он считал, что хронологически первым литературным памятником победы под Грюнвальдом была поэма, написанная профессорами Краковского университета еще в 1411 г., под названием *Triumph Regii de Cruciferis relati* («Королевские победы, одержанные над крестоносцами»), которая не сохранилась. В ежегоднике *Rocznik świętokrzyski* за 1410 г. были опубликованы 26 стихотворений о победе под Грюнвальдом. Стихи соответствующей тематики встречаются также, по свидетельству В. Хана, в разнообразных письменных источниках XV в.

Среди всех этих поэтических памятников наибольший интерес представляет упомянутое В. Дорошкевичем стихотворение, помещенное в рукописи сказаний Николая из Блони. После точной временной локализации битвы неизвестный поэт рассказывает о том, как крестоносцы отправили послов с двумя мечами к королю Ягайло. В следующем эпизоде король собирает войска на битву и вызывает к мужеству своих ратников. Вспомнив о многочисленных потерях враже-

⁵⁴ *Nechutová J.* Latinská literatura českého středověku do roku 1400. Praha, 2000. S. 64.

⁵⁵ *Ulčinaite E.* Literatura łacińska // Kultura Wielkiego Księstwa Litewskiego: Analizy i obrazy / Oprac. V. Ališauskas, L. Joavaiša, M. Paknys etc.; Przekład P. Bukowiec, B. Kalęba, B. Piasecka. Kraków, 2006. C. 285.

⁵⁶ *Pilat R.* Historia literatury polskiej w wiekach średnich. Od przyjęcia chrześcijaństwa w Polsce do końca XV wieku (965–1500). Warszawa etc., 1926. Cz. 2: Literatura średniowieczna w Polsce w wieku XV / Oprac. St. Kossowski. S. 68.

⁵⁷ *Дарашкевіч В. І.* Мастацкі помнік Грунвальду... С. 57.

ского войска, победу над крестоносцами поэт приписывает милости Божьей. Поражение магистра расценивается как результат его чрезмерного высокомерия и надменности:

Sic homo, qui tumuit, primus ad ima ruit,
Sic homo, qui tumuit, cum sua turba ruit⁵⁸.

Проанализировав несколько десятков польских и латинских стихотворений, посвященных Грюнвальдской битве, В. Хан подчеркивал наличие одинаковых мотивов почти во всех рассмотренных им произведениях:

Общность этих черт позволяет предположить, что упомянутые произведения четко отражают народный взгляд на Грюнвальдскую победу; именно так пел народ о Грюнвальдской битве, и следы этих песен перешли даже в латинские стихи⁵⁹.

В основу фабулы второй книги «Прусской войны» заложены те же эпизоды и мотивы, которые отметил В. Хан в рассмотренных им произведениях: высылание крестоносцами двух окровавленных мечей [*Bellum II, 158–160*]; обращение короля к войску и его призыв к мужеству [*Bellum Prutenum II, 304–317*]; поражение магистра [*Bellum II, 434–441*]. Появление во время богослужения короля образа Святого епископа Станислава [*Bellum II, 276–298*] служит знаком божественного предназначения: Ягайло становится победителем по воле Неба. Наконец, в риторическом обращении автора к разбитому войску тевтонцев четко сформулированы причины их поражения: «*scelerata superbia*» («преступная гордыня») [*Bellum II, 406*], нарушение договора, который рыцари заключили с Конрадом Мазовецким, их измена присяге.

Точно воспроизводя ход событий в начале Грюнвальдской битвы, Вислицкий сообщает, что первым в атаку двинулось татарское войско: *Tunc Nomades arcus Vitoldo praeside primi // Eripiunt pharetris* («Вот под предводительством Витовта номады первыми достают луки из колчанов») [*Bellum II, 191*]. В этом и во всех других эпизодах великий князь показан как смелый военный вождь, охваченный горячим стремлением сражаться с врагами.

Такая художественная подача автором образа Витовта соответствует белорусской литературной традиции XV–XVI в., согласно которой великий князь изображался как легендарный народный герой, храбрый и успешный полководец (упомянем, к примеру, «Похвалу Витовту» из Супрасльской летописи или поэму «Песнь о зубре» Николая Гуссовского).

В. Хан в упомянутой выше работе упоминает множество народных песен, посвященных войне с крестоносцами. В одной из них есть такие слова:

Witold idzie po ulicy,
Za nim niesą dwie szablidy⁶⁰.

Интересно, что В. Ластовский в книге «*Pieršaja Čytanka*» приводит текст «Песни а князю Вітаўце» (с примечанием «на старобелорусские мотивы»):

Ідзе Вітаўт па вуліцы,
За ім нясуць дзве шабліцы,

⁵⁸ «Так человек, который возгордился, первым в итоге погиб / Так человек, который возгордился, вместе со своим войском погиб». — Цит. по: *Hahn W. Grunwald w poezyi polskiej: Szkic literacki*. Kraków, 1910. S. 8.

⁵⁹ *Ibid.* S. 7.

⁶⁰ Цит. по: *Hahn W. Grunwald w poezyi polskiej...* S. 8.

Слаўны князь Вітаўт,
Слаўны Гаспадару,
Слаўна наша Гаспадарства!⁶¹

Таким образом, изначально это была старобелорусская походная песня (сегодня песню с процитированными выше словами исполняет белорусский музыкальный коллектив «Стары Ольса»). В первых словах зафиксировано народное представление о том, что два меча были присланы крестоносцами не только королю Ягайло, но также и князю Витовту. Это — символ объявления тевтонцами войны как Польской Короне, так и Великому княжеству Литовскому.

Предание о двух присланных мечах зафиксировано в «Хронике Польши» Мацея Меховского⁶². Однако автор «Прусской войны» указывает, что окровавленные мечи были присланы только королю Ягайло. Это, как указывает В. Короткий, связано с тем, что «Ян Вислицкий рельефно очерчивает взаимоотношения Ягайло и Витовта как сюзерена и вассала»⁶³. Поэт намеренно подчеркнул в начале второй книги, что Ягайло происходит из Великого княжества Литовского. Он — законный правитель обоих государств, правопреемник как великокняжеской, так и королевской власти.

Особое авторское видение отношений двух братьев — Ягайло и Витовта — хорошо демонстрирует один из эпизодов Грюнвальдской битвы, описанный во второй книге «Прусской войны» [*Bellum II, 235–257*]. Этот эпизод основан на довольно известном историческом предании, которое отражено, к примеру, в «Хронике Быховца»⁶⁴. Речь идет о своеобразном конфликте между Ягайло и Витовтом. Великий князь после поражения первой атаки своего войска приходит в стан короля и убеждает его прийти на помощь. Король в это время участвует в богослужении. Витовт упрекает брата за промедление, отмечая несвоевременность мессы. Однако Ягайло решительно отказывается вступить в битву до окончания литургии и повелевает Витовту сдерживать наступление тевтонцев.

Соответствующее предание зафиксировано и в «Хронике» Яна Длугоша. Согласно версии польского историка, во время литургии к королю Ягайло пришел сначала шляхтич Ганэк, затем — шляхтич Дерслав Властовский, затем еще четверо шляхтичей с сообщениями о том, что враг подходит все ближе и ближе. Только после них, согласно Длугошу, появился князь Витовт с настойчивыми просьбами завершить богослужение и направить польское войско в битву⁶⁵. Нетрудно заметить, что Ян Вислицкий использует ту версию, которая зафиксирована в «Хронике Быховца». Такой выбор поэта, скорее всего, следует объяснить задачами создания поэтического эпоса. Обращаясь к королю, автор всегда стремится изобразить его монументально, в соответствии с требованиями жанра.

Вот почему поэт выбрал тот вариант предания о споре Витовта с Ягайло, где отсутствуют «лишние» персонажи, а Витовт появляется только на короткий момент.

---

⁶¹ Цит. по: Ластоўскі В. Выбраныя творы / Уклад., прадмова і каментарыі Я. Янушкевіча. Мінск, 1997. С. 218.

⁶² *Miechowita M. Chronica Polonorum. Cracoviae, 1521. P. CCLXXIX.*

⁶³ *Кароткі У. Г. Дзяржаўная і дынастычная гісторыя... С. 263.*

⁶⁴ Хроника Литовская и Жмойтская // ПСРЛ. Т. 32. С. 150–151.

⁶⁵ *Długosz Jan. Bitwa Grunwaldzka (z Historji Polski) / Oprac. dr. Jan Dąbrowski. Kraków, 1920. S. 92.*

Ягайло — *heros perfectus* («совершенный герой»), согласно дефиниции М. К. Сарбевского. Идеал эпического героя эпохи Ренессанса пережил определенную трансформацию: если в античных эпосах герой в первую очередь *καλός και αγαθός* («прекрасный и добродетельный»), то в эпосах Нового времени закрепляется героический идеал, постулированный Исидором из Севильи (VI–VII в.) — *fortitudo et sapientia* («сила и мудрость») ⁶⁶.

Ягайло не просто мудро продумал ход битвы под Грюнвальдом: ведя войско в бой, он сам сражается в первых рядах и ведет за собою отряды [см.: *Bellum II*, 320–321]. «Силу и мудрость» героя дополняет его *pietas* («благочестивость»): Ягайло получает счастливое предсказание о предстоящей победе от святого Станислава. Чтобы отдельно прославить многочисленные добродетели своего героя, поэт завершает вторую книгу панегириком-«славой» в честь короля.

Для художественного воплощения «славы» Ягайло Ян Вислицкий прибегает к приему «не-сопоставления» с известными героями античности. Этот прием приобрел популярность в поэмах позднего Ренессанса, а в творческой лаборатории поэта начала XVI в. выглядит скорее художественным новаторством. Ведь поэты раннего Ренессанса чаще одаривали своих героев шлейфом пышных сравнений с Ахиллом, Ганнибалом или Цезарем. Ян Вислицкий, напротив, обращается к античным городам, в которых родились знаменитые герои, с довольно необычной просьбой:

Cui, tu Roma, tuos noli annumerare Camillos,
 Marcellum, Fabios et Caesaris optima gesta,
 Hectors, Troja, tuum, fortem, Larissa, et Achillem,
 Hannibalemque tuum, Carthago superba, ferocem

[*Bellum II*, 505–508] ⁶⁷.

В «Стихотворении, побуждающем Музу магистра Павла Русина...», включенном в сборник «Прусская война», Ян Вислицкий поэтически обыграл мотив *genii loci* («гения места»), прославляя своего учителя и место его рождения — Кросно. Теперь, восхваляя короля Ягайло, деда короля Сигизмунда, поэт стремится сформировать представление о том, что этот герой — своего рода *genius rei publicae* («гений государства»), его хранитель, избранный свыше. Именно под его руководством на полях под Грюнвальдом был дан решительный отпор самому опасному врагу, угрожавшему не одному какому-то народу, а всем многочисленным народам обоих государств. По словам В. Короткого, использованием художественного приема «не-уподобления» короля Ягайло героям античности

...поэт подчеркивает государственное, а не местно-патриотическое значение подвига короля <...> Он не только защитник, он — основатель новой королевской династии, нового федеративного государства ⁶⁸.

Последняя часть поэмы открывается «олимпийским планом»: боги собираются вместе по приказу Юпитера. В античном героическом эпосе сцена совета богов на Олимпе давала толчок для динамического развертывания сюжета (как в «Одис-

⁶⁶ *Michalowska T.* Epika // *Słownik literatury staropolskiej* / Pod red. T. Michałowskiej. Wrocław, 1999. S. 209.

⁶⁷ «Не приравнивай к нему, о Рим, своих Камиллов, Марцелла, Фабиев, а также величайшие деяния Цезаря; Троя, (не приравнивай к нему) своего могучего Гектора, а ты, Ларисса, — Ахилла; ты, надменный Карфаген, — своего отважного Ганнибала». — *Пер. автора*.

⁶⁸ *Karotki U. G.* Дзяржаўная і дынастычная гісторыя... С. 263–264.

сее», которая непосредственно после изложения *argumenti* открывается этой сценой) либо помогала автору решить сложную коллизию (как, например, исход войны рутулов с троянцами в десятой книге «Энеиды»). Подобную сложную ситуацию призваны разрешить олимпийцы в «Прусской войне»: Юпитер совещается с богами, кого отдать в жены седовласому королю Ягайло.

М. Брожек считает эту сцену из «Прусской войны» результатом формального следования Яна Вислицкого поэтической школе учителя, Павла из Кросно, а именно его «Эпиталамиону» на бракосочетание Сигизмунда I и Барбары. «В обоих произведениях инициатором брака выступает Юпитер, посланником — Меркурий»⁶⁹, — отмечает ученый. Но эту общую мифологическую схему автор «Прусской войны» наполняет совсем иным содержанием: в «олимпийский план» вводится династическая проблема.

Композиционная специфика произведения помогает поэту раскрыть его идейный замысел. По необъятным земным просторам летит «счастливая весть» о великой победе под Грюнвальдом, и главный победитель — тот, кто является преемником власти в Сарматии, установленной еще Лехом, Краком и Вандой. Он — вечная слава и гордость своего народа, лучше сказать — многих народов, завоевавших векопаметную победу над крестоносцами. Все эти народы признают над собой власть короля Ягайло. То, что вопросом о наследнике трона озабочены сами олимпийцы, служит знаком неординарности героя и ситуации. Таким образом, композиция поэмы соответствует творческой установке Яна Вислицкого и, как справедливо заметил А. Брандовский, выявляет его «особые симпатии к династии Ягеллонов»⁷⁰.

В начале статьи мы уже указали на то, что время работы Яна Вислицкого над «Прусской войной» совпало с периодом «потепления» в отношениях между Габсбургами и Ягеллонами. Но почему все же автор был уверен, что победа столетней давности должна заинтересовать современных ему читателей? Почему поэт надеялся, что его книга обратит на себя внимание короля Сигизмунда I? Ответ на этот вопрос дал Ю. Новак-Длужежский, отметив, что поэму, формально посвященную победе под Грюнвальдом, автор написал после победы под Оршей, к тому же в период весьма напряженных отношений с орденом крестоносцев⁷¹. Именно в 1515 г., когда Ян Вислицкий писал «Прусскую войну», магистр Ордена Альбрехт фон Гогенцоллерн-Ансбах перешел к политике поиска союзников в уже запланированном вооруженном конфликте с Сигизмундом I. Основные надежды магистр возлагал на великого князя Московского Василия III.

В этой ситуации Ян Вислицкий, горячий патриот своего Отечества, во-первых, стремился показать, что только при условии всенародного единения — как это было при Ягайло и Витовте под Грюнвальдом, как это было всего год назад под Оршей, возможно одолеть грозного врага. Во-вторых, он хочет предупредить крестоносцев, напомнить им, к чему привела тевтонцев сто лет назад чрезмерная гордыня магистра Ульрика фон Юнгинген, бездарно расставшегося с жизнью на поле Грюнвальда.

⁶⁹ Brożek M. Epitalamia Zygmuntowskie // Łacińska poezja w dawnej Polsce: Praca zbiorowa / Pod red. T. Miśchalowskiej. Warszawa, 1995. С. 48.

⁷⁰ Brandowski A. (rec.) Dr. Bronisław Kruczkiewicz, docent Uniwersytetu Krakowskiego. O Pawle z Krosna i Janie z Wiślicy // Warta. 1886. № 611. S. 5401.

⁷¹ Nowak-Dłuzewski J. Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce. Czasy Zyguntowskie. Warszawa, 1966. S. 59.

В-третьих, он весьма прозрачно, с исключительной тщательностью дает в третьей книге «Прусской войны» ответ на вопрос, «кто в доме (т. е. в государстве) хозяин». Созданный им необычный композиционный каркас «Прусской войны» выступает ярким художественным воплощением того, как Королевство Польское и Великое княжество Литовское стали *de facto* единым сильным государством в результате заключения династического брака. Символ политического объединения двух государств в поэме «Прусская война» — брак короля Ягайло и княжны Софьи из рода белорусских князей Гольшанских.

Ян Вислицкий — пожалуй, первый, если не единственный среди поэтов эпохи Ренессанса, кто воспел королеву Софью в поэтическом эпосе. Искусственно созданная благодаря политическим интригам великого князя Витовта дурная слава королевы (которая, кстати, так и не была доказана ни в тенденциозном, изобилующем ошибками пасквиле Энея Сильвия⁷², ни в «Историях» Длугоша и Кромера), видимо, заставляла молчать Музу иных поэтов той эпохи в отношении четвертой жены короля Ягайло. После Яна из Вислицы только в конце XVI в. Симон Пекалид, придворный поэт князей Острожских, в своей поэме *De bello Ostrogiano* («Об Острожской войне») (Краков, 1600), рассказывая о князьях друцких, прославляет Софью и ее отца, киевского князя Андрея Ивановича⁷³.

В поэме «Прусская война» королева Софья заслуживает буквально обожествления. Вот что рассказывает о ней олимпийским богам Венера:

Est mihi nympha Ruthenorum speciosa sub orbe,
Nympha puellarum pulcherrima, nympha dearum,
Terricolae Zophiam proprio quam nomine dicunt,
Omnes quae priscas heroidas atque puellas
Praestat in oris honore sui et sermonis amati.

[*Bellum III*, 77–81]⁷⁴

В этой поэтической характеристике очень мало идеализации. Ян Вислицкий обращает внимание на то, что королева названа *proprio nomine* («характерным именем»): ведь имя София происходит от греческого существительного σοφία — «мудрость». В самом деле, согласно исследованиям префекта библиотеки князей Залуских Е. Д. Яноцкого, Софья Гольшанская, выходя замуж за Ягайло *fere ineunte* («едва достигнув совершеннолетия») в 1422 г., получила, тем не менее, «основательную подготовку в области гуманитарных наук», в связи с чем, видимо, и «была чрезвычайно благосклонна и щедра по отношению к профессорам и юным школярам Краковской Академии»⁷⁵. Мишель, профессор из Парижа, некоторое время работавший в Кракове, посвятил ей свои комментарии к книге «Руфь».

⁷² См.: Finkel L. Studya nad dynasty Jagiellońską. I. Królowa Zofia // Sprawozdania z czynności i posiedzeń Akademii Umiejętności w Krakowie. Rok 1904: Wydział historyczno-filozoficzny. № 4. S. 7.

⁷³ [Pecalides S.] De bello Ostrogiano ad Piantcos cum nisoviis, libri quattuor. A Simone Pecalidis Artium Vassalareo conscripti. <...> Cracoviae, 1600. P. 19.

⁷⁴ «Есть у меня прекрасная нимфа в краю русинов; нимфа, самая красивая среди девушек, нимфа, [самая красивая] среди богинь. Соотечественники называют ее характерным именем — Софья. Своим красноречием и любовью к слову она превосходит всех героинь и женщин прежних времен». — *Пер. автора*.

⁷⁵ [Janocki J.] Janociana sive Clarorum atque illustrium Poloniae auctorum mecenatumque memoriae miscellae. Nunc primum e Codicibus, Biblioth. Publ. Vars. Varsaviae, 1819. S. 308–309.

Будучи уже вдовой, около середины XV в., королева Софья руководила грандиозным филологическим проектом. Под ее опекой Анджей из Яшовиц, теолог Краковского университета, переводил текст Библии Ветхого и Нового Заветов на польский язык *e veterrimo exemplari slavonico* («с древнего славянского экземпляра»), а Петр из Радошиц переписывал этот перевод на чистые листы бумаги. Е. Д. Яноцкий писал о так называемой «Библии королевы Софьи» или «Библии Шарошпатацкой» и, к сожалению, уже он констатировал, что никто из его современников не смог отыскать этот раритет⁷⁶.

В библиотеке Краковского университета хранятся письма королевы Софьи к папе Евгению IV, кардиналу Юлиану (папскому нунцию при Владиславе, короле Польши и Венгрии), к папе Николаю V, к епископу Бернарду (папскому нунцию при Казимире III, короле Польши и великом князе Литовском), к венгерским вельможам, мазовецкой княгине Александре, плочкому епископу Павлу, а также профессорам Краковского университета. Столь широкий список корреспондентов, несомненно, говорит о незаурядности королевы.

Эпизод третьей книги «Прусской войны», посвященный свадьбе Ягайло и Софьи, — логическое продолжение «славы» победителя Ягайло в конце второй книги. Мудрый король, божественный избранник, заслужил такую же мудрую жену (кстати, три предыдущие жены короля, в том числе и знаменитая Ядвига, в поэме даже не упоминаются), также божественную избранницу. Род Ягеллонов, таким образом, продлжается по воле небожителей.

«Олимпийский план» третьей книги «Прусской войны», по замыслу автора, должен опровергнуть все наветы злобных завистников. Сами олимпийские боги предназначили Софье ее счастливую судьбу — и никто не может сомневаться в правильности их решения. По замыслу олимпийцев, белорусская княжна, став королевой, родила королю трех сыновей, двое из которых — Владислав и Казимир — стали наследниками трона. Династическая проблема решается, таким образом, на самом высоком уровне. В словах Юпитера, которые передал королю Ягайло Меркурий, сформулирован достойный ответ на имперские амбиции Альбрехта Гогенцоллерна:

Qui patriam rector succedet prosper ad aulam,
Is Casimirus erit, longus victurus in annos. <...>
At qui Pannonicas gentes reget atque Polonas,
Ladislaus erit, belli fragor horridus acri.

[*Bellum III, 105–106; 112–113*]⁷⁷

Тем самым Ян Вислицкий доказывает, что никаких иных правителей в государстве, кроме наследников Казимира Ягайловича нет и быть не может (поскольку

⁷⁶ В наше время исследования, посвященные «Библии королевы Софьи», продолжают. Так, самую новую научную информацию о сохранившихся фрагментах этой Библии представила заместитель директора Библиотеки Литовской Академии наук им. Врублевских в Вильнюсе Римма Циценене в своем докладе на конференции «Небесные покровители, земные меценаты» (Вильнюс, 13 мая 2010 г.).

⁷⁷ «Тот, кто получит в наследство королевскую власть как правитель в [своем] Отечестве, — это будет Казимир, он будет жить долгие годы. <...> А тот, кто будет править паннонским и польским народом, — это будет Владислав, неукротимая буря суровой войны». — *Пер. автора.*

Владислав Ягайлович погиб молодым в битве под Варной, не оставив наследников, а другой Казимир умер в детском возрасте).

Весьма прозрачно намекает Ян Вислицкий и на попытки тевтонцев найти поддержку у великого князя Московского. Является ли князь Василий III надежным военным союзником, легко можно понять из следующих строк, обращенных к королю Сигизмунду I:

Illo septembri, quo victricem retulisti
 Fronte tua laurum, pessumdans agmina magni
 Multa ducis Scythici, dives spoliis et opimis
 Cum tot mancipiis belli vexilla ferendo
 Ad tua Lithuanae praestantia moenia Vilnae.

[*Bellum III*, 251–255]⁷⁸

В финале поэмы прославляется король Сигизмунд I в первую очередь как *victor celebris patriae pater atque Poloniae* («славный победитель и отец польского Отечества») [*Bellum III*, 256]. Третья книга и вся поэма «Прусская война» завершаются величественным панегириком автора монарху-современнику, который наделяется эпитетами наивысшей степени сравнения, — как Ягайло в финале второй книги.

Таким образом, введение в поэму фигуры Сигизмунда I на формально-художественном уровне содействует формированию кольцевой композиции поэмы, что придает ей особую гармоничность и соразмерность. Среди пожеланий долгих лет жизни и благодарностей за заботу о подданных автор формулирует также призыв отправиться в земли близких и далеких соседей с суровыми войнами. В контексте этого «предложения» — и следующее пожелание королю:

Threiciusque sinu applaudet tibi Bosphorus arcto,
 Per facilem tribuens Byzantia jugera Martem
 Vincere, Turcaicis longum possessa ministris.

[*Bellum III*, 268–270]⁷⁹

Эти слова не следует воспринимать как поэтическое обоснование имперской захватнической политики. Это, как указывает В. Короткий:

...мифологически-историческое оправдание права Ягеллонов не только на земли восточных славян, но и на византийское владычество, [поскольку Софья Гольшанская]... была православной и происходила из рода киевских князей, которые вели свое происхождение не только от легендарного Рюрика, но через жену Владимира Анну — и от византийских императоров⁸⁰.

В подобной расстановке акцентов ощущается стремление поэта возвеличить короля и основанную им династию. Ее укрепление на европейской арене поэт связывает с политической стабильностью в государстве.

⁷⁸ «А в том самом сентябре, когда ты возложил победные лавры на свое чело, ты, богатый военными трофеями и оружием, победил многочисленное войско великого князя Скифии, доставляя военные хоругви вместе с большим числом пленных к высоким стенам литовской Вильни». — *Пер. автора*.

⁷⁹ «Пусть перед тобой плещется узким заливом фракийский Босфор, позволяя (тебе) победить в легкой войне византийскую землю, давно ставшую владением турецких священнослужителей». — *Пер. автора*.

⁸⁰ *Короткі У. Пісаў пра мінуўшчыну... С. 92.*

Только с учетом такого идеологически-династического подтекста может быть расшифрована художественная загадка Яна из Вислицы под названием «Прусская война». Эта поэма, словно величественная египетская пирамида, основанная изначально на массивном фундаменте исторической ретроспекции, в конце концов сходится в одной вершине — фигуре Сигизмунда I. Король, современник поэта, — альфа и омега его идейного замысла. В помпезном панегирике Сигизмунду есть все: от формулировки космополитически-имперских предложений (*Egredere, ac diris vicina remotaque bellis // arva situ vasto circumflua gurgitis alti* («Выйди и пройди кругом с суровыми войнами далекие и близкие земли на обширном побережье глубокого моря»)) [*Bellum II, 261–262*] до традиционного славословия (*Vivas ergo, precor, vivas habiturus honores* («Живи же, пожалуйста, живи, стремясь приобрести почести»)) [*Bellum III, 282*]. При этом панегирик королю не является в поэме самодостаточным: он — важный сюжетно-композиционный элемент, необходимый фактор художественной презентации основной идеи поэмы. Предлагая королю в финале поэмы объединить под своей властью далекие и близкие народы, автор резюмирует:

Et sic Augusto feliciter omnia rege
Vivent, armorum tonitru procul orbe recluso
Sarmatico, gladios tribuendo vomeri acutos
Thoracas simul et galeas, rubini aduncas.

[*Bellum III, 273–276*]⁸¹

«Разветвленность замысла Вислицкого, — писал Я. Порецкий, — и путей, избранных им для воплощения своих идей, не оставляют читателя равнодушным, даже через десятилетия вызывают у него восхищение»⁸². В. Дорошкевич обратил внимание на невозможность рассмотрения творчества Яна Вислицкого в контексте средневековой традиции. Ученый писал:

«Средневековой поэзии не хватает выразительной авторской позиции. Человек как историческая личность, как индивидуум был “открыт” Возрождением. Вислицкий понимал историческую дистанцию между прошлым и современностью. Он писал, что с победителями крестоносцев, считавших себя непобедимыми рыцарями, не могут сравниться “ни Ахиллы, ни Гераклы, ни Периклы”. Освоение и разработка местной тематики потребовали от создателя “Прусской войны” прежде всего, самостоятельного подхода к ее реализации, и это было фундаментом будущего успеха поэмы»⁸³.

В самом деле, только художник эпохи Ренессанса — «эпохи всемогущества поэтов, избавляющих от смерти события и людей»⁸⁴, мог прийти к таким глобальным обобщениям, которые сделал Ян Вислицкий в «Прусской войне».

⁸¹ «И таким образом пусть все живут счастливо при августейшем короле, прогнав прочь из сарматского края бряцание оружия. И пусть они перекуют на орала острые мечи, а вместе с ними доспехи и шлемы, покрытые ржавчиной». — *Пер. автора*.

⁸² *Парэцкі Я.* Ян Вісліцкі. Мінск, 1991. С. 106.

⁸³ *Дорошкевич В. И.* Новолатинская поэзия... С. 117.

⁸⁴ *Nowak-Dłużewski J.* Okolicznościowa poezja polityczna... S. 195.

Summary

The author of the poem «The Prussian War» created it to assess the influence of the victory over crusaders in 1410 upon further political history of Central and Eastern Europe rather than to glorify that victory.

Argumentum totius epopaeae (M. K. Sarbievski) at the beginning of the poem is the evidence of this: *fama felix* (happy news) of victory in the battle of Grunwald. This argumentum is directly connected with the appeal — not to muses (as in the works by Homer and Vergilius) but to king Sigismund; at the same time the author recalls here heroic deeds of *fortis avi* (courageous old man) — king Jagajlo.

Thus the author pays attention first of all to the history of the Jagiellon dynasty or, to be more precise, to the history of state formation during the rule of the Jagiellons. St. Łempicki and B. Nadolski had the right opinion that Ioannes Visliciensis had intended to create some kind of «Jagellonida» — a poem to the glory of the Jagiellons; as for the description of the battle and of the victory it serves here as an important historical background. It is interesting enough that «The Prussian War» was published in the same year as the heroic poem by Riccardo Bartolini «Austriados libri duodecim» (Twelve books on Austriade) was — a poem dedicated to emperor Maximilian of Habsburg and the ruling Austrian dynasty. Due to this fact we can regard the poem «The Prussian War» (that was created after the Congress of Vienna in 1515) as a monument of dynastic epos.

Geographic and ethnographic excursus (in the first part) in which the author makes a presentation of the lands and peoples under the rule of the Jagiellons is an important element of the epic narration. Polonia where not only Poles (Poloni), but also «triple Ruthenes» (triplices Rutheni) live is depicted by the poet as a state that is more vast and powerful than that which existed in the legendary times of the first rulers of Poland — Lech, Krakus and Wanda.

The author believes this is thanks to the merits of the Jagiellons (first of all the founder of the dynasty — king Jagailo) who expanded their sphere of influence in many European countries. At the beginning of the XV century the united Poles (Poloni), Ruthenes (Rutheni) (including Albi Rutheni, i.e. white Ruthenes), Lithuanians (Lithuani), Samogitians (Sudini), and also Tatars (Nomades) under the leadership of king Jagailo conquered «the whole Germany» on Grunwald field (the plot of the first part); and at the beginning of the XVI century this union of many peoples of two states (the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland) is the consequence of «the Jagiellons' right of inheritance to rule in these countries» (U. Karotki).

Queen *proprio nomine* (with a characteristic name) Sofia who comes of the kin of Belarusian princes of Holshanski and who is «well-educated in the field of humanities» (J. D. Janocki) is a symbol of that union. It is she who according to the resolution of the Gods of Olympus gave birth to Jagailo's heirs to the throne (the third part). Therefore composition principle of the poem structure can be understood only in terms of state and dynastic concept which is the ideological pivot of «The Prussian War» by Ioannes Visliciensis.